

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 94–115
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 94–115
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-94–115

ИМПЕРАТОРСКОЕ СЕМЕЙСТВО В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПАТА: СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

А.В. Махлаюк

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия*

E-mail: makhl@imomi.unn.ru

ORCID: 0000-0002-7758-2374

В статье исследуются роль и значение семейно-родственных связей в системе принципата как своеобразной формы монархического правления. Рассматриваются отношения императоров, прежде всего из династии Юлиев-Клавдиев, со своими дальними, кровными или юридическими, родственниками и свойственниками, которые входили в императорский дом и зачастую становились жертвами политических расправ и преследований со стороны правящих принцев, подвергаясь смертельной опасности в силу самого своего статуса, делавшего их возможными претендентами на престол. Такая ситуация не может быть объяснена только паталогической кровожадностью отдельных императоров или так называемым «императорским безумием» (Caesarewahn Sinn). Большинство убийств внутри *domus Augusta* диктовалось специфической рациональностью и имело политический характер. В них отразилось коренное противоречие принципата, для которого, с одной стороны, изначально было характерно избегание открытой институционализации единоличной власти и правящей династии как таковой, а с другой – формирование императорского дома, приобретавшего характеристики монархического по своей сути института. Семейно-династическое наследование императорской власти соответствовало ожиданиям подвластных, прежде всего столичного плебса и армии, что вынуждало императоров, с одной стороны, искать помощников и преемников из числа родственников по крови или свойству, а с другой – видеть в них опасных конкурентов своей единоличной власти.

Ключевые слова: Римская империя, принципат, императорское семейство, *domus Augusta*, родственные связи, наследование императорской власти, династическая политика

Данные об авторе. Александр Валентинович Махлаюк – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и Средних веков Национального исследовательского ННГУ.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 25-28-00997 «Память о предках и конструирование родства в периоды социально-политических трансформаций античных и средневековых обществ».

*Король: Знаете, небось, что такое королевский дворец? ...
За стеной люди давят друг друга, режут родных братьев,
сестер душат... Словом, идет повседневная, будничная
жизнь.*

Евгений Шварц «Обыкновенное чудо»

У Тацита, наряду с широко известным выражением *arcanum imperii*¹, встречается и понятие *arcana domus* («тайна императорского дома», «дворцовые тайны»). Последнее использовано в рассказе о злосчастной судьбе последнего внука Августа, Агриппы Постума, убийство которого сразу по восшествии на престол Тиберия стало *primum facinus novi principatus* – «первым (зло)деянием нового принципата». Историк особо подчеркивает, что Август, хотя и сетовал на нравы этого юноши и отправил его в изгнание, заручившись постановлением сената, тем не менее «никогда он не ожесточался до такой степени, чтобы умертвить кого-либо из членов своей семьи, и маловероятно, чтобы он пошел на убийство внука ради безопасности пасынка». Ответственность Тацит фактически возлагает на Тиберия и Ливию, которые – «он из страха, она из свойственной мачехам враждебности» – поспешили убрать внушавшего подозрения юношу (*propius vero Tiberium ac Liviam, illum metu, hanc novercalibus odiis, suspecti et invisī iuvenis caedem festinavisse*)². Последующие события показали, что эти опасения были небезосновательны: раб Агриппы по имени Клемент, если верить Тациту и другим свидетельствам, сначала, узнав о кончине Августа, попытался выволить Агриппу с острова Планазии, где тот находился в течение семи лет, и доставить в войска на германской границе, но, не успев, выкрал его прах, а затем распространил слух о том, что его господин якобы спасся, и, выдавая себя за него, приобрел немало сторонников и готовился покуситься на власть Тиберия, но по поручению последнего Саллюстий Крисп³ хитростью захватил Клемента, тот был доставлен к императору и тайно казнен (Тас. *Ann.* II. 39–40; Suet. *Tib.* 25. 1–3; Cass. *Dio* LVII. 16. 3–4).

Кто бы ни был истинным инициатором устранения Агриппы – и независимо от того, насколько достоверна сама история Клемента⁴, были ли его действия как-то связаны с членами императорского семейства или же это была собственная

¹ Тас. *Hist.* I. 4. 2: *evulgato imperii arcana posse principem alibi quam Romae fieri* («разглашенной оказалась тайна, окутывавшая приход принцепса к власти, и выяснилось, что им можно стать не только в Риме»). Ср. *Ann.* II. 36. 2, где *arcana imperii* переведено как «самая сущность единодержавия» (здесь и далее «Анналы» цитируются в переводе А.С. Бобовича).

² Тас. *Ann.* I. 6; ср. Vell. Pat. II. 112. 7; Suet. *Tib.* 22; Cass. *Dio* LVII. 3. 5–6. Этот эпизод неоднократно становился предметом специальных исследований, в которых предложены самые разные его интерпретации. См., например: Höhl 1935; Levick 1999, 65–66; Wiedemann 2008, 202 (убийство Агриппы было осуществлено по распоряжению Августа в завещании); Allen 1947 (смерть Агриппы по естественным причинам); Detweiler 1970 (в смерти виновны Ливия и Тиберий); Scharf 2001 (обзор всех источников и версий); Jones 2016 (причины исключения Агриппы из завещания Августа). См. также: Cogitore 1990.

³ Один из друзей Августа (Plin. *NH.* XXXIV. 3; Тас. *Ann.* III. 30. 3; PIR² VII, S 87).

⁴ Недавно было высказано мнение (Торбин 2024) о фиктивности самого этого события, которое было сконструировано Тацитом на основе традиции, благоволящей Агриппе Постуму и восходящей к Агриппине Старшей. Однако приведенные А.А. Торбиным аргументы представляются всё же недостаточно убедительными, чтобы полностью отвергнуть историчность мятежа Клемента.

инициатива раба, вышедшего из-под их контроля после первой неудачной попытки спасти Агриппу, – в этом эпизоде, вероятно, присутствуют отголоски династического спора между двумя ветвями императорского *domus*⁵. В любом случае судьба Агриппы Постума стала кульминацией всей неопределенности и потрясений, связанных со смертью Августа⁶.

И если Клемент выдавал себя за Агриппу, то Нимфидий Сабин, преторианский префект в конце правления Нерона, решив после смерти последнего из Юлиев-Клавдиев добиться императорской власти, распространял слухи о том, будто он является внебрачным сыном Гая Цезаря (Калигулы), который якобы еще подростком имел связь с его матерью, обладавшей приятной наружностью и родившейся от вольноотпущенника Цезаря по имени Каллист и какой-то швейи-поденщицы (Plut. *Galba*. 9. 1–2; Tac. *Ann.* XV. 72. 4). При этом префект предпринимал определенные шаги в Риме с помощью друзей, и ему тайно содействовали некоторые женщины и сенаторы (Plut. *Galba*. 9. 5). Не углубляясь в детали этой истории⁷, отметим, что даже внебрачное происхождение от императора могло мыслиться как весомое основание для притязания на власть, а в некоторых случаях, как известно, стать реальным доводом в пользу провозглашения нового императора, как это произошло в 218 г. в случае с Гелиогабалом (Варием Авитом Бассианом), которого его бабка Юлия Меса и мать Юлия Созмия объявили внебрачным сыном Каракаллы (тот якобы вступил в связь со своей кузиной Юлией Созмией) и тем самым добились поддержки его кандидатуры среди солдат и части сенаторов (Cass. Dio LXXIX. 31. 3; 32. 2–4; Hdn. V. 3. 10; 4. 1–4; SHA. *Macr.* 9. 4; 10. 2)⁸.

В рамках же той темы, к которой мы обратимся в данной работе, эпизод со смертью младшего внука Августа, как он представлен Тацитом, важен указанием на три принципиальных момента. Это, во-первых, опасная неопределенность в положении преемника власти, которому мог быть брошен вызов со стороны возможных претендентов из числа других кровных или юридических родственников покойного принцепса (в случае с Тиберием эта неопределенность усугублялась отсутствием прецедентов перехода власти, но в той или иной степени, ввиду отсутствия какого бы то ни было закона о престолонаследии, соответствующие риски возникали практически в каждой ситуации на протяжении всей истории принципата⁹). Во-вторых, члены императорского семейства, даже из самых близких родственников, как потенциальные претенденты на власть подвергались смертельной опасности в силу самого своего статуса, делавшего их альтернативными претендентами на престол, подчас даже независимо от их собственных намерений. В-третьих, при всей публичности этого верховного семейства, которую целенаправленно культивировал первый принцепс¹⁰, очень многое из того, что происходило внутри семейного и придворного окружения императора, должно было оставаться – и оставалось – скрытым от посторонних глаз, являясь

⁵ Rodeghiero 2018, 192.

⁶ Jones 2016, 85.

⁷ О заговоре Нимфидия см.: Ottley 2010; Дороненко 2021.

⁸ Icks 2011, 11–12.

⁹ France, Hurlet 2019, 181–202; Sheldon 2023, 190–202.

¹⁰ Severy 2003, 96–139, 158–186.

той самой *arsana domus*, которую упоминает Тацит, утверждая, что Саллюстий «убедил Ливию, что не следует распространяться ни о дворцовых тайнах, ни о дружеских совещаниях, ни об услугах воинов и что Тиберий не должен умалять силу принципата, обо всем оповещая сенат» (Тас. *Ann.* I. 6. 3).

Предметом нашего рассмотрения, однако, будут не столько эти дворцовые тайны, сколько судьбы тех членов императорского семейства, которые, подобно Агриппе Постуму, стали жертвами тайной борьбы за власть, произвола и подозрительности своих августейших родственников (и свойственников), т.е. судьбы тех персонажей второго и третьего плана, для которых семейно-родственные связи с принцепсами оказывались действительно смертельно опасными. В отличие от таких хорошо известных близких родственников принцепсов, как Юлии Старшая и Младшая, дочь и внучка Августа (который их вместе с Агриппой Постумом «называл тремя своими болячками и язвами» — *tris vomicas ac tria carcinomata sua* (Suet. *Aug.* 65. 4)), Друз Младший, Мессалина, ее дети от Клавдия Британник и Октавия, мать Нерона Агриппина Младшая, младший брат Каракаллы Гета, эти второ- и третьестепенные члены императорского дома редко попадают в фокус внимания исследователей и, насколько мне известно, еще не рассматривались в научной литературе в целом как особая часть императорского семейства и группа смертельного риска, обусловленного их возможной ролью в раскладке династических комбинаций.

Между тем эта группа, несомненно, заслуживает пристального рассмотрения, без которого невозможно в полной мере судить об императорском дворе как центре власти, о хитросплетениях его тайных механизмов и мотиваций, об императорском семействе как одном из наиболее значимых элементов принципата в целом. В этом отношении *arsana domus*, очевидно, самым непосредственным образом пересекаются с *arsanum imperii*, суть которой, как известно, в том, что можно было стать императором вне Рима; первая касается собственно династического фактора¹¹, а вторая, имея и более широкий смысл, относится скорее к способам смены одной династии другой, прежде всего через участие армии. Чтобы предметно говорить о специфике римского императорского династизма, а стало быть, и всей политической системы принципата, важно выяснить, какое значение придавалось семейным связям и родству с правящим принцепсом или его предками при выборе нового императора и легитимации его власти, какие степени родства мыслились как необходимые и достаточные, чтобы претендовать на императорский престол, почему, наконец, даже дальние родственники императорского семейства нередко оказывались жертвами династической политики. Не претендуя на исчерпывающий охват всех императорских родственников и свойственников, подвергшихся преследованиям и гибели¹², мы остановимся лишь на некоторых наиболее показательных случаях, относящихся главным образом к периоду правления первой императорской династии. Их анализ может помочь ответить на поставленные вопросы.

Но, прежде чем обратиться к конкретным свидетельствам, стоит в нескольких чертах обозначить тот общеисторический контекст, в котором соответствующие

¹¹ См. важные соображения на этот счет в работе: Hurlet 2009.

¹² Материал, относящийся к второстепенным и малоизвестным персонажам, входившим в императорское семейство, компактно представлен в книге: Craven 2019, которая может служить отправным пунктом для просопографии императорских родственников.

эпизоды имели место. Отметим прежде всего, что с обеими названными тайнами были связаны неизбежные опасности положения самого принцепса. Известно, что сроки правления римских императоров были самыми короткими среди трех десятков разных монахий. От Августа до Коммода включительно правили 18 императоров – в среднем 12,7 года. Естественной смертью их умерли 55,6%, были убиты 33,3%, 11,1% покончили с собой¹³. Исследование цареубийств в европейских монархиях с 600 по 1800 г., проведенное криминологом М. Айснером, показало, что из 1513 правителей в 24 европейских монархиях за рассматриваемый 1200-летний период 219 были убиты, а 8 казнены по решению суда¹⁴. Согласно принятой в криминологии методике для оценки уровня убийств, при которой в качестве знаменателя используется 100 000 человеко-лет, уровень убийств для изученных европейских монархов составляет 1 002,6 на 100 000 лет правления или 727,9, если исключить сомнительные случаи, такие как отравления¹⁵. Если же взять период с 27 г. до н.э. по 300 г. н.э., то известно 26 достаточно достоверных случаев убийства императоров другими римлянами: двое из них были казнены после поражения и свержения, от одного до четырех погибли в бою, а остальные 20–23 были убиты. Этот период охватывает около 372 лет правления, поскольку в некоторые периоды одновременно существовало несколько императоров с титулом августа. Это дает около 6 989 убийств на 100 000 лет правления, что почти в 10 раз превышает показатель для периода с 600 по 1800 г. Даже если исключить кризисный III век, когда убийства императоров происходило особенно часто, и говорить об императорах до Септимия Севера, то шесть определенных убийств действующих императоров и одна казнь свергнутого императора (Дидия Юлиана в 193 г.) дают цифру 3 070 убийств на 100 000 лет правления. Это означает, что убийства правителей в Римской империи были гораздо более распространены, чем даже в самый жестокий период раннего европейского Средневековья¹⁶.

Как подчеркивается в литературе, общим фактором всех этих убийств и династических кризисов было отсутствие в эпоху принципата понятной и работоспособной системы «престолонаследия»¹⁷. Ни собственно властные полномочия принцепса, определяемые в первую очередь *imperium proconsulare maius* и *tribunicia potestas*, ни почести и титулы, предоставляемые сенатом и народом, нельзя было передать по наследству¹⁸. Это было, пожалуй, единственным и наиболее очевидным слабым местом системы, созданной Августом, и именно

¹³ Retief, Cilliers 2010. См. также Sheldon 2023 (о насильственных смертях среди Юлиев-Клавдиев).

¹⁴ Eisner 2011.

¹⁵ Kelly 2022, 379.

¹⁶ Kelly 2022, 381.

¹⁷ Sawiński 2018, 255; Grainger 2020, XIV, 27, 301.

¹⁸ Сам Август стремился разными способами обеспечить наследование *in domo*, но по сути дела хотел передать свое положение – *stationem meam*, как он выражается в письме своему внуку и приёмному сыну Гаю (*August. Epist. Fr.* 22 Malkovati = Gell. XV. 7. 3; ср. AE 1996, 885, v. 130). Ср. также слова Веллея Патеркула о том, что сенат и римский народ настаивали, чтобы Тиберий занял место отца – *ut stationi paternae succederet* (II. 124. 2). Слово *statio*, первоначально использовавшееся в военной сфере в значении «сторожевой пост, караул», впоследствии было заимствовано философами-стоиками и в переносном смысле указывало на положение следующего своему долгу мудреца. Его использование Августом означает, что он считал себя человеком, стоящим на страже государственного порядка и общего блага (Köstermann 1932; Béranger 1973, 153–163).

здесь, по словам М. Бирд, коренились невероятные интриги, в которые вовлекались самые разные персонажи; можно сказать, что наследование и его проблемы были в самом центре имперской истории¹⁹. Статистика же насильственных смертей среди императоров свидетельствует, что процесс престолонаследия часто сопровождался жестоким насилием, причем многие императоры выметали с доски своих мало-мальски возможных преемников, особенно тех, кто был членами их собственного семейства, поскольку любой такой персонаж был потенциальной угрозой²⁰. И среди этих последних вероятность насильственной гибели, очевидно, была не менее значительной, чем среди самих правителей.

Примечательно также, что за 200 с лишним лет принципата только дважды родные сыновья становились преемниками на императорском престоле своих отцов: Тит, сын Флавия Веспасиана, в 79 г. и Коммод, сын Марка Аврелия, в 180 г.²¹ Если же взять все четыре династии Ранней империи, то передача Септимием Севером власти своим двум родным сыновьям как соправителям в 211 г. – всего лишь третий прецедент такого рода. В сравнении с другими монархиями в мировой истории это выглядит как минимум необычно, так же, как и сравнительно частое совместное правление двух императоров, которое, как и другие способы передачи и легитимации власти в рамках императорского семейства (усыновление, наделение потенциального преемника соответствующими властными полномочиями и почестями, эндогамные браки), было впервые использовано Октавианом Августом²² и стало впоследствии распространенной практикой²³. Отсутствие прямого наследника мужского пола вынудило Августа – а затем и многих последующих императоров – искать преемника среди родственников по женской линии, посредством усыновления, что ещё больше усиливало политическую значимость браков внутри обширного семейства²⁴. В итоге при принципате сложилась система передачи власти, коренным образом отличавшаяся от той, что существовала в восточных или эллинистических монархиях, не говоря уже о феодалных монархических государствах²⁵. Тем не менее это была династическая, хотя и своеобразная, система правления в обществе, которое уделяло особое внимание родству²⁶, и в государстве, которое в самих своих основах не могло обойтись без «республиканского фасада», но было, по своей сути, единовластием.

Средоточием же этого специфического римского монархизма как раз и были императорское семейство и императорский двор. За долгие десятилетия правления Октавиана Августа род Юлиев трансформировался в *domus Augusta* (*domus Caesaris*/*Caesarum*/*principis*/*Caesarea domus*) – особую семейную группу, выходящую по

¹⁹ Beard 2023, 57.

²⁰ Grainger 2020, XV.

²¹ Beard 2023, 67.

²² Mommsen 1877, 1089–1109; Hurler 1997; Таривердиева 2017; Gibson 2013; Sawiński 2018.

²³ По подсчетам Э. Корнеманна, из 262 лет между правлениями Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) и Александра Севера (222–235) 106 лет (т. е. более 40% эпохи ранней империи) императорская власть была в той или иной форме разделена между соправителями (Kornemann 1930, 184).

²⁴ Duchêne 2013, 264.

²⁵ Cp. Corbier 2007, 188.

²⁶ Hekster 2015, 25.

своему составу за круг кровных родственников, со своей внутренней иерархией²⁷, которая постоянно менялась в зависимости от изгнаний, смертей и усыновлений и служила «резервуаром» потенциальных наследников, которым можно было передать необходимый опыт²⁸. С установлением принципата *familia* замещается более широким понятием *domus*, позволявшим включить в семейную группу как кровных родственников по женской линии (как это было в случае детей Октавии, сестры Августа, или его дочери Юлии Старшей)²⁹, так и агнатов и предков по восходящей линии, что применительно к императорскому семейству делало понятие *domus* отчасти синонимом династии³⁰. Фактически *domus Caesarum* был столь обширной группой, что внутри нее неизбежно возникали отдельные «дома», как, например, *domus Germanici* («дом Германика»), который вызывал враждебность со стороны Тиберия³¹. Но в целом, говоря о первой императорской династии, *domus Augusta* функционировал как родственная группа, достаточно большая, чтобы посредством внутренних союзов обеспечить собственное воспроизводство и преемственность, но и достаточно узкая, чтобы избежать распыления права наследования среди слишком большого числа соперничающих кандидатов³².

Тем не менее такие потенциальные претенденты, в том числе среди дальних родственников и свойственников императоров, неизбежно появлялись, и именно они становились едва ли не первоочередной мишенью императорской подозрительности. Если говорить только об их насильственной гибели, то получится довольно пространный мартиролог. Конечно, в каждом конкретном случае такого рода политических расправ могли переплетаться самые разнообразные мотивы: от банальной ревности и личной неприязни до циничного расчета и корыстных происков отдельных членов императорского окружения. Но стоит обратить внимание на те комментарии и суждения, которыми античные авторы, сообщая о таких фактах, сопровождают свои свидетельства, указывая, помимо прочего, и на отношение подданных к родственным связям внутри императорского дома как фактору признания законности верховной власти. Из этих сообщений, как и из общего контекста подобных ситуаций, вырисовывается своеобразное римское понимание императорского династизма, в котором кровные узы с основателем династии выходят на первый план.

Особенно характерен в этом отношении ряд пассажей Тацита. В частности, описывая реакцию жителей столицы на развивающийся конфликт между Тиберием и Агриппиной Старшей, вдовой Германика, он подчеркивает, что Тиберия особенно задела «вспыхнувшая в толпе любовь к Агриппине: люди называли ее украшением родины, единственной, в ком струится кровь Августа, непревзойденным образцом

²⁷ О происхождении выражения *domus Augusta*, которое впервые зафиксировано у Овидия (*Ex Ponto* II. 2. 67–74) и используется затем в таких документах времен Тиберия, как “*Senatus consultum de Cn. Pisone patre*” (v. 33) и *Tabula Sierensis* (v. 17), см. Flory 1996, 291–296. Об этом феномене в целом см., например: Winterling 1999, 21–22, 196; Moreau 2005; Corbier 2007.

²⁸ Corbier 2007, 179; Duchêne 2013, 264. В таком смысле это понятие употреблено Тацитом в характеристике семейства Тиберия: *plena Caesarum domus* (*Ann.* IV. 3. 1).

²⁹ Fertik 2019, 40.

³⁰ Hekster 2015, 25. Подробнее см.: Hurler 2013, 119–122; Le Doze 2017, 68–78.

³¹ Saller 1984, 346–347. Ср. Tac. *Ann.* II. 43. 5: *divisa namque et discors aula erat tacitis in Drusum aut Germanicum studiis* («...ибо весь двор был разделен на два противостоящих друг другу стана, молчаливо отдававших предпочтение или Германику, или Друзу»).

³² Corbier 2007, 181.

древних нравов (*decus patriae, solum Augusti sanguinem, unicum antiquitatis specimen appellarent*)», при этом люди молили богов сохранить в неприкосновенности ее отпрысков, «чтобы они пережили своих недоброжелателей» (*Ann.* III. 4. 3). В другом эпизоде Агриппина при встрече с Тиберием резко заявляет ему, что она – «его (Августа. – *А.М.*) действительное и живое подобие, порожденное божественной кровью (*se imaginem veram, caelesti sanguine ortam*)» (*Ann.* IV. 52. 2). На важность же для простого народа кровного родства наследника «престола» с принцепсом указывает и сообщение Тацита о том, что после провозглашения Нерона императором завещание Клавдия не было оглашено, чтобы «предпочтение, отданное им пасынку, хотя у него был собственный сын, своею несправедливостью не смутило простой народ и не вызвало в нем негодования (*ne antepositus filio privignus iniuria et invidia animos vulgi turbaret*)» (*Ann.* XII. 69. 3).

Еще одно свидетельство Тацита (*Ann.* XIII. 1. 1–2) касается младшей Агриппины. Стремясь упрочить положение своего сына Нерона, приведенного к власти после убийства Клавдия, она устроила интригу против Марка Юния Силана, который был проконсулом Азии. Здесь историк снова ссылается на мнение городской толпы, которая оказывается не безразличной к выбору носителя власти и связывает его с «кровью Августа» (*Augusti sanguis*). По Тациту, Силан навлек на себя гибель «потому, что, погубив его брата Луция Силана³³, Агриппина страшилась возмездия, ибо в народе шли упорные толки, что едва вышедшему из детского возраста и преступно овладевшему верховною властью Нерону следует предпочесть мужа в зрелых годах, ничем не запятнанного, знатного и из потомков Цезарей, что тогда почиталось превыше всего: ведь и Силан также был праправнуком божественного Августа (*quod tunc spectaretur, e Caesarum posteris: quippe et Silanus divi Augusti abnepos erat*)»³⁴. При этом Тацит, рассказывая о смерти Силана (*Ann.* XIII. 1. 1), явно использует аллюзию на зловещее начало правления Тиберия, которое ознаменовалось смертью Агриппы Постума: *prima novo principatu mors Iunii Silani... ignaro Nerone per dolum Agrippinae paratur*³⁵. Юний Силан был отравлен на пиру всадником Публием Целером и вольноотпущенником Гелием, ведавшими личным имуществом принцепса в провинции Азия. Ближе к концу правления Нерона, столкнувшись с огульными обвинениями, покончил с собой и третий брат, Д. Юний Торкват, консул 53 г., и Тацит прямо называет причиной его смерти происхождение от Августа³⁶. После заговора Пизона погиб и Луций, юный

³³ Огульно обвиненный в прелюбодеянии со своей сестрой Юнией Кальвиной, Л. Силан, несмотря на то что он был обручен с дочерью Клавдия Октавией, был вынужден покончить жизнь самоубийством по приказу Клавдия (*Suet. Claud.* 27. 1; 29. 1; *Tac. Ann.* XII. 3–4; 8; *Cass. Dio* LX. 31. 7). Сама же Кальвина была позже отправлена в изгнание из-за дела Мессалины, возвращена обратно в 59 г. и благополучно встретила старость, скончавшись в 79 г. Она вышла замуж за Луция Вителлия, консула-суффекта в 48 г., который стал жертвой свержения своего брата императора Авла Вителлия (*ILS* 6239; *PIR*² I 856).

³⁴ Т.е. Силан находился в такой же степени родства с основателем принципата, что и Нерон: его мать, Эмилия Лепида, было дочерью Юлии Младшей, внучки Августа. См. *PIR* I² A 419; IV² I 829. О Юниях Силанах см. *Syme* 1989, 188–199.

³⁵ «... первой при новом принципате была гибель Юния Силана... устроенная кознями Агриппины при неведении Нерона». Ср. цитированный в начале статьи пассаж из *Ann.* I. 6. 1: *primum facinus novi principatus*. См. *Baldwin* 1985, 206.

³⁶ *Ann.* XV. 35. 2: «... принудили к самоубийству Торквата Силана, ибо, помимо его принадлежности к славному роду Юниев, божественный Август приходился ему прапрадедом». Ср. *Cass. Dio* LXII. 27. 2.

сын М. Силана: приговоренный к изгнанию вместе со старым Кассием Лонгином, мужем его тетки Лепиды; он был убит центурионом (Тас. *Ann.* XVI. 7–9)³⁷. Таким образом, Юнии Силаны, как констатирует Б. Болдуин, возвышались и гибли почти монотонно, особенно при Калигуле, Клавдии и Нероне³⁸, причем и то, и другое происходило во многом благодаря их родству с основателем принципата.

Действительно, такого рода расправы над собственными родственниками, в первую очередь теми, кто мог похвастаться происхождением от августейшей крови, в исторической традиции предстают как деяния «дурных» принцев с репутацией тиранов. Так, Тиберий, вслед за Агриппой Постумом, способствовал смерти своей бывшей жены, дочери Августа Юлии, уже 16 лет находившейся в ссылке (Тас. *Ann.* I. 53. 1–3; Cass. Dio LVII. 18. 1^a). В 16 г. Тиберием был принужден к самоубийству М. Скрибоний Либон Друз, правнук Помпея Великого, племянник Скрибонни, бывшей жены Августа, и двоюродный брат его внуков Гая и Луция Цезарей, о заговоре которого подробно рассказывает Тацит (*Ann.* II. 27–32)³⁹.

В числе прочих Тиберий расправился в 33 г. со своими собственными внуками Нероном и Друзом Цезарем, возможно, потому, что пришел к выводу, что они неприемлемы в качестве его наследников⁴⁰, причем, если верить Светонию, «сам написал на них обвинение, полное самых ядовитых нареканий, и, когда они были объявлены врагами отечества, умертвил их голодом...» (Suet. *Tib.* 54. 2. Здесь и далее пер. М.Л. Гаспарова). Тиберий также прекрасно понимал, что с его смертью и назначением Гая Калигулы императором его единственный оставшийся в живых родной внук, юный Тиберий Гемелл, сын Друза и Ливиллы, фактически будет обречен, подобно Агриппе Постуму и по той же причине. Сообщается, что старый император, рыдая, прижимал к себе мальчика и кричал Гаю: «Ты убьешь его!» (Тас. *Ann.* VI. 46. 4; ср. Cass. Dio LVIII. 23. 3). И Гемелл, хотя и усыновленный Калигулой после восшествия на престол, прожил совсем недолго и был принужден своим кузеном к самоубийству⁴¹. Вместе с тем, даже испытывая неприязнь к Гаю из-за любви к нему в народе и считая Клавдия умственно ограниченным, Тиберий не хотел искать преемника вне своего рода, так как опасался, по словам Тацита, «навлечь насмешки и поношения на память Августа, на род Цезарей»⁴², т. е. ориентировался на общественное мнение, которое, как мы видели из других замечаний Тацита, ставило во главу угла семейное происхождение и кровные узы наследника императорского статуса.

При Тиберии погиб и его единственный родной сын Друз (Друз Юлий, как он стал именоваться после усыновления Тиберия Августом в 4 г.), ставший в 23 г. жертвой собственной супруги (Клавдии) Ливии Юлии (она была вдовой внука

³⁷ Syme 1989, 192.

³⁸ Baldwin 1985, 208; ср. Syme 1989, 192.

³⁹ Ср. Vell. II. 130. 3; Sen. *Ep.* 70. 10; Suet. *Tib.* 25. 3; Cass. Dio LVII. 15. 4— О происхождении, семейных связях и самом заговоре Либона см.: Weinrib 1968; Cogitore 2002, 181–190; Pettinger 2012, 219–234 (автор отмечает, в частности, что отец Либона как приемный сын М. Ливия Друза Клавдиана приходился сводным братом Ливии Друзилле и дядей Тиберию, а значит, Скрибоний Друз Либон мог считаться двоюродным братом императора).

⁴⁰ Grainger 2020, 31.

⁴¹ Phil. *Leg. ad Gaium.* 4–5; In *Flacc.* 3; Suet. *Cal.* 23. 3; Ios. *Ant. Iud.* XVIII. 6. 9; Cass. Dio LIX. 8. 1.

⁴² Тас. *Ann.* VI. 46. 2: *sin extra domum successor quaereretur, ne memoria Augusti, ne nomen Caesarum in ludibria et contumelias verterent, metuebat.*

Августа Гая и приходилась кузиной Друзу как дочь Друза Старшего и Антонии Младшей), которая отравила его, чтобы, по версии Тацита, вступить в брак с раввавшимся к власти префектом претория Сеяном, притворившимся влюбленным в нее и склонившим ее к прелюбодеянию (Тас. *Ann.* IV. 3. 3–4). Об отравлении стало известно только после устранения Сеяна в 31 г., и Ливия либо была приговорена к смерти Тиберием, либо, переданная своей матери Антонии, умерщвлена голодом (Cass. Dio LVII. 11. 7)⁴³.

Непосредственные связи с *domus Caesarum* имело видное семейство Азиниев Галлов⁴⁴, и некоторые из них стали жертвами императорских репрессий. В их числе был Гай Азиний Галл (консул 8 г. до н.э.), сын знаменитого военачальника Цезаря, оратора, поэта и историка Гая Азиния Поллиона. Один из самых высокопоставленных и уважаемых консуляров Рима, пользовавшийся доверием Августа⁴⁵, Галл в 11 г. до н.э. женился на Випсании, дочери Марка Агриппы⁴⁶ и бывшей жене Тиберия, который развелся с ней по приказу Августа, чтобы жениться на овдовевшей дочери принцепса Юлии, и это стало главным мотивом личной неприязни Тиберия к Галлу, который к тому же заявлял права на Друза, сына Тиберия от Випсании, как на своего сына (Cass. Dio LVII. 2. 7) и тем самым, по мнению Тиберия, передаваемому Тацитом (*Ann.* I. 12. 4), «заносился... выше дозволенного рядовым гражданам (*plus quam civilia agitare*)». Азиний Галл упоминается Тацитом в числе тех трех мужей, которых Август в своих последних беседах рассматривал как способных его заменить (Тас. *Ann.* I. 13. 2). В правление Тиберия он отличался независимостью суждений и позиции по многим вопросам, что усугубляло ненависть Тиберия к нему (Тас. *Ann.* I. 76; 77; II. 33; 35; 36; IV. 20; 30; 71; Cass. Dio LVII. 2. 5–7; LVIII. 3. 1–2). В 30 г. он был отправлен Тиберием под домашний арест без официального суда и обвинения в каком-либо преступлении и спустя три года умер от голода. Тиберий посмертно обвинил его в прелюбодеянии с Агриппиной Старшей (Тас. *Ann.* VI. 23. 1–2; 25. 1–2; Cass. Dio LVIII. 3. 2–6), а его имя было подвергнуто *damnatio memoriae*⁴⁷.

В браке с Випсанией Галл стал отцом пятерых сыновей, которым Агриппина Старшая приходилась теткой по матери, а Друз, сын Тиберия, был единокровным братом. Один из них, тоже Азиний Галл, оказался впоследствии замешан в заговор против Клавдия, но отделался лишь изгнанием (Suet. *Claud.* 13. 3), поскольку, как поясняет Кассий Дион, из-за своего малого роста и уродливой внешности внушал скорее смех, чем опасения: «просто по своей великой глупости стал вести себя надменно и дерзко, возомнив, будто из-за знатности его рода римляне охотно примут его власть» (Cass. Dio LX. 27. 5). Его брату Сервию Азинию Целеру (консулсуффекту 38 г.) повезло меньше: хотя он считался другом императора Клавдия, но по неизвестным причинам впал в немилость и был казнен (Sen. *Apocol.* 13. 5).

⁴³ Подробнее см.: Cenerini 2014; Martina 2016, 296–301.

⁴⁴ О нем см. Oliver 1947.

⁴⁵ В письме к гражданам Книда, относящемся к 6 г. до н.э., когда Галл был наместником провинции Азия, Август называет его «своим другом» – τῷ ἐμῷ φίλῳ (SEG III, 780).

⁴⁶ Примечательно замечание Тацита, сообщающего о ее смерти в 20 г.: «...Випсания, единственная из детей Агриппы, умершая своей смертью, ибо все остальные были умерщвлены, – кто явно оружием, кто, по общему мнению, – ядом и голодом» (Ann. III. 19. 3).

⁴⁷ Об истории Галла подробно см., например: Shotter 1971; Herbert-Brown 2004; Satterfield 2023.

Вместе с тем, Тиберий в ряде случаев доверял ответственные должности членам императорского дома, к которому, по традиции, сложившейся при Августе, относились и зятья. Показателен в этом плане состав созданной в 36 г. специальной коллегии для определения ущерба после пожара в Риме⁴⁸. В ее состав были включены мужья четырех внушек принцепса (Тас. *Ann.* VI. 45. 3), а именно: Гней Домиций Агенобарб, муж Агриппины Младшей⁴⁹, Луций Кассий Лонгин (консул 30 г.), муж Друзиллы, Марк Виниций (консул 30 и 45 гг.)⁵⁰, женатый на Юлии Ливилле, и Рубеллий Бланд, супруг единственной родной внучки императора, Юлии.

Но если Тиберию хватало государственной мудрости, чтобы сочетать в отношении членов императорского дома предоставление почетных должностей одним и устранение других, неугодных или опасных в династических раскладах персон, то по вине его юного преемника, Калигулы, правившего всего четыре года, пострадало или погибло немало его августейших родственников и свойственников. Несмотря на то что в самом начале правления он проявил демонстративную почтительность к покойной матери, сестрам и бабке Антонии, которую сделал Августой (Cass. Dio LIX. 3. 3–5), а дядю, будущего императора Клавдия, выбрал своим коллегой по консулату⁵¹, очень скоро его отношение к родственникам радикально изменилось. Антонию всяческими унижениями он принудил к добровольной смерти, а возможно, и отравил (Suet. *Cal.* 23. 2; 29. 1; 39. 1; Cass. Dio LIX. 3. 6). Она умерла 1 мая 37 г. в возрасте 73 лет⁵². После смерти в 38 г. Друзиллы, любимой сестры Калигулы, которую он горько оплакивал и удостоил всевозможных почестей, включая обожествление (Cass. Dio LIX. 3. 6; 11. 1–5; Sen. *Cons. ad Polyb.* 17. 4–6), он в 39 г. наказал двух других сестер, Юлию Ливиллу и Агриппину, ссылкой на Понтийские острова за прелюбодеяние с Марком Лепидом, мужем Друзиллы, и соучастие в заговоре с ним⁵³. По обвинению в заговоре был убит и сам Лепид, хотя он был любовником и фаворитом Гая, который вместе с ним участвовал в постыдных связях с другими его сестрами, но которого он даже хотел оставить после себя наследником своей власти (Suet. *Cal.* 24. 3; Sen. *Ep.* I. 4. 7; Cass. Dio LIX. 11. 1; 22. 6–7)⁵⁴.

⁴⁸ Караваев 2014, 22.

⁴⁹ Тиберий сделал его консулом 32 г., «помимо древности его рода, также и потому, что тот состоял с Цезарями в кровном родстве» (*propinquum Caesaribus sanguinem delegerat*) (Тас. *Ann.* IV. 75).

⁵⁰ После убийства Калигулы в 41 г. Виниций объявил себя кандидатом на императорский престол (Ios. *Ant. Iud.* XIX. 4. 3). В 46 г. он был отравлен Мессалиной, чьи ухаживания он отверг и которая опасалась, что он мог замыслить месть за Юлию Ливиллу (Cass. Dio LX. 27. 4). См. PIR² V 445; Syme 1989, 183.

⁵¹ Впрочем, как замечает Кассий Дион, «он, наверное, убил бы и Клавдия, если бы не относился к нему с презрением, поскольку тот – отчасти по природе, отчасти из предусмотрительности – выглядел совершенным тупицей» (Cass. Dio LIX. 23. 5)

⁵² Segenni 1995, 315.

⁵³ Cass. Dio LIX. 22. 8; Suet. *Cal.* 24. 3; 29. 1; Phil. *Leg. ad Gaium.* 12; ср. также Hier. *Chron.* 178. 22–23 Helm: *Gaius sorores suas, quibus stuprum intulerat, insularum exilio condemnat* («Своих сестер, с которыми вступил в постыдную связь, Гай отправляет в ссылку на острова»). Утверждение Орозия (VII. 5. 9), что Гай приказал казнить своих сестер и только его смерть предотвратила казнь, не соответствует действительности. О сестрах Калигулы см. Humphrey 1979.

⁵⁴ Syme 1989, 136, 283, 298. Сестра Лепида была замужем за Друзом, сыном Германика, но, обвиненная в прелюбодеянии с рабом, была вынуждена покончить с собой (Тас. *Ann.* VI. 40. 3).

Под надуманным предлогом⁵⁵ Калигула заставил покончить с собой своего тестя М. Юния Силана, отца своей первой жены Юнии Клавдиллы (Suet. *Cal.* 23. 3; Phil. *Leg. ad Gaium.* 9–11; Sen. *Apocol.* 11. 2; Cass. Dio LIX. 8. 4). Вторую жену, Корнелию Орестиллу, которую увел прямо с пира по случаю ее помолвки с Гаем Кальпурнием Пизоном, Калигула отправил в изгнание вместе с бывшим женихом, обвинив их в том, что они встречаются друг с другом (Cass. Dio LIX. 8. 7). Четвертая же супруга Гая, Милония Цезония⁵⁶, была жестоко умерщвлена вместе с дочерью Друзиллой сразу после убийства Гая (Suet. *Cal.* 59; Ios. *Ant. Iud.* XIX. 2. 4; Cass. Dio LIX. 29. 7), что, очевидно, объясняется стремлением заговорщиков сразу и на корню предотвратить вероятное в будущем использование супруги и дочери свергнутого императора в борьбе за власть⁵⁷.

Дальним родственником приходился Гаю последний мавретанский царь (23–40 гг.) Птолемей, сын Юбы⁵⁸, которого он вызвал к себе и умертвил либо ради богатства (Cass. Dio LIX. 25. 1), либо из зависти к его пурпурному плащу, блеск которого привлек к себе все взгляды во время гладиаторских игр (Suet. *Cal.* 35. 1).

Вольным или невольным виновником гибели многих своих родственников был и император Клавдий, имевший нескольких детей от разных жен и сам погибший в результате заговора, организованного его четвертой супругой и племянницей Агриппиной Младшей. И хотя в целом ряде случаев устранение неугодных происходило по инициативе Мессалины и Агриппины, именно Клавдий представлен едва ли не как серийный убийца в той обвинительной речи, которую на совещании богов, решавших посмертную судьбу покойного императора, произносит божественный Август в «Апоколокинтосисе» Сенеки⁵⁹. В ее начале (*Apocol.* 10. 4) Август обвиняет Клавдия в убийстве двух Юлий, своих правнучек (дочерей Друза и Германика, т. е. родных племянниц Клавдия), и одного своего правнука Луция Силана, а далее заявляет, что Клавдий «убил своего тестя, Аппия Силана, двоих своих зятьев – Магна Помпея и Луция Силана⁶⁰, – свекра своей дочери, Красса Фруги... свекровь своей дочери Скрибонию, супругу свою Мессалину⁶¹...» (*Apocol.* 11. 5).

Действительно, обе Юлии сначала были возвращены Клавдием из изгнания (Cass. Dio LX. 4. 1), но после того, как Мессалина обвинила Юлию Ливиллу (дочь Германика) в прелюбодеянии с Сенекой, та была вновь отправлена в ссылку и вскоре умерщвлена (Tac. *Ann.* XIV. 63. 2; Cass. Dio LX. 8. 5); Юлия Ливия тоже

⁵⁵ Гай обвинил его в том, что тот в непогоду не отплыл с ним в бурное море, словно надеясь, что в случае несчастья с зятем он сам станет принцем.

⁵⁶ О женах Калигулы см. Wardle 1998.

⁵⁷ Такая же участь постигла после свержения Авла Вителлия его малолетнего сына Германика (родившегося между 63–68 гг.), который был убит вслед за отцом в декабре 69 г. по приказу Лициния Муциана и Антония Прима, военачальников Веспасиана (Tac. *Hist.* II. 59. 2; IV. 80. 1; Cass. Dio LXIV[LXV]. 22. 2).

⁵⁸ Он был правнуком Марка Антония от его дочери Селены (см. о нем: Plin. *NH.* V. 1. 16; 26. 2; Suet. *Cal.* 26. 1; Cass. Dio LI. 15. 6).

⁵⁹ Об убийствах, перечисленных в этой речи, см.: Baldwin 1964; Wolf 1986, 47–88; Horstkotte 1989.

⁶⁰ См. выше, примеч. 33.

⁶¹ О ней Август замечает, что он приходится ей таким же двоюродным дедом, как и самому Клавдию (*Apocol.* 11. 1). Мессалина, как известно, была приговорена к смерти после бракосочетания со своим любовником Гаем Силием. См. Fagan 2002; Cenerini 2010.

пала жертвой ревности и козней Мессалины: *dolo Messalinae interfectam* (Тас. *Ann.* XIII. 32. 5; 43. 5; Cass. Dio LX. 18. 4)⁶². Гай Аппий Силан, которого Клавдий женил на Домиции Лепиде, матери Мессалины, был убит по сговору Мессалины и вольноотпущенника Нарцисса, которые напугали простодушного Клавдия, заявив, что видели сны, в которых Аппий напал на него (Тас. *Ann.* XI. 29; Suet. *Claud.* 29. 1; 37. 2; Cass. Dio LX. 14. 3–4). Из-за происков всё той же Мессалины в 47 г. погиб Гней Помпей Магн, потомок Гнея Помпея по матери, муж Антонии, дочери Клавдия от Элии Петины, который был заколот в *concubitu dilecti adolescentuli* – «в объятиях любимого мальчика» (Suet. *Claud.* 29. 2; ср. 27. 2; Тас. *Hist.* I. 48. 1; Cass. Dio LX. 29. 6^a); также убиты были его родители, М. Лициний Красс Фруги (консул 27 г.) и Скрибония.

Антония потом вышла замуж за Фавста Корнелия Суллу Феликса, правнука диктатора. Он был сыном Домиции Лепиды Младшей, внучатой племянницы Августа (внучки его сестры Октавии), и консула-суффекта 31 г. Фавста Корнелия Суллы Лукулла. По материнской линии его бабкой и дедом были Антония Старшая, племянница Августа, и Луций Домиций Агенобарб. Кроме того, Сулла Феликс был младшим единокровным братом императрицы Валерии Мессалины⁶³. Таким образом, он сочетал знаковое имя республиканской истории и родственную связь с императорским домом. При Нероне он был заподозрен в притязаниях на императорскую власть, обвинен в заговоре, сослан в Массилию и, в конечном итоге, убит в 62 г. (Тас. *Ann.* XIII. 23. 1; XIV. 57. 4; 59. 5)⁶⁴.

Интриги Агриппины Младшей, ставшей супругой императора Клавдия, привели к гибели Лоллии Пауллины, третьей жены Калигулы, которая была в числе претенденток на руку овдовевшего Клавдия. По настоянию Агриппины, подстроившей ее обвинение в занятиях магией и астрологией, Клавдий отправил ее в ссылку, а позже она была убита офицером гвардии (Тас. *Ann.* XII. 22)⁶⁵.

Режим Нерона, приведенного к власти благодаря убийству Клавдия в 54 г., стал, можно сказать, кульминацией внутрисемейных расправ. Их жертвами пали не только Британник и Октавия, а затем и сама Агриппина Младшая, фактически приведшая своего сына к власти, но и многие представители побочных ветвей дома Юлиев-Клавдиев. Так, Нерон обвинил в подготовке переворота и казнил дочь Клавдия Антонию, которая после смерти Пoppеи Сабины отказалась выйти за него замуж (Suet. *Ner.* 35. 4; *Schol. Juven.* VIII. 213). Женитьба на ней могла рассматриваться Нероном как средство укрепить свои династические позиции, т.к. Антония была единственным выжившим членом императорской семьи и ее согласие на предложения о браке устранило бы источник потенциальной оппозиции Нерону⁶⁶. «За ней, – сообщает Светоний, – последовали остальные его родственники и свойственники: среди них был и молодой Авл Плавтий, которого он перед казнью изнасиловал и сказал: “Пусть теперь моя мать придет поцеловать моего

⁶² Syme 1989, 182.

⁶³ Rogers 1955, 201.

⁶⁴ Cogitore 2002, 228–230.

⁶⁵ См. Burgeon 2017.

⁶⁶ Rogers 1955, 209–210; Bradley 1978, 213–214. О том, что супружество с дочерью принцепса имело политическое значение может свидетельствовать позиция Бурра, который отговаривал Нерона от развода с Октавией и, согласно Кассию Диону, однажды сказал ему: «Тогда уж верни ей и приданое!», подразумевая под ним императорскую власть (Cass. Dio LII. 13. 1–2). Ср. Bradley 1978, 210.

преемника!» – ибо, по его словам, Агриппина любила этого юношу и внушала ему надежду на власть» (Suet. *Ner.* 35. 4). Этот Плавтий, возможно, был братом Плавтии Ургуланиллы, первой жены Клавдия⁶⁷, но это представляется маловероятным, как, впрочем, и другие предлагавшиеся варианты⁶⁸. Показательно, однако, что для Светония такие действия Нерона есть выражение общей тенденции к устранению любых мало-мальски возможных претендентов на власть. Нерон приказал утопить в море и совсем ребенка Руфрия Криспина, своего пасынка от Пoppей, за то, что тот, играя, называл себя полководцем и императором (Suet. *Ner.* 35. 5).

Более известной жертвой Нерона стал Гай Рубеллий Плавт⁶⁹, приверженец стоицизма, сын Гая Рубеллия Бланда и Юлии, дочери Друза Младшего, т.е. по матери он принадлежал к роду Юлиев и приходился праправнуком Августу, находясь, по словам Тацита (*Ann.* XIII. 19. 3), в той же степени родства с ним, что и Нерон⁷⁰. Через своих прабабок, Випсанию Агриппину и Антонию Младшую, он также был потомком Випсания Агриппы, Марка Антония и сестры Августа, Октавии Младшей. По рассказу Тацита (*Ann.* XIII. 19–21), сначала в 55 г. Юния Силана, сестра первой жены Калигулы Юнии Клавдиллы, обвинила Агриппину в намерении возратить себе верховную власть, вступив в брак с Плавтом и возведя его на престол. Но вина матери Нерона ничем не была доказана, и никаких действий против Плавта не последовало. В 60 г., когда в связи с появлением кометы пошли слухи о скором падении Нерона и возможном переходе власти в руки Плавта⁷¹, император предложил ему вместе с семьей отправиться в его поместье в Азии (Тас. *Ann.* XIV. 22. 3). Затем, однако, на фоне слухов о том, что Плавт готов отправиться к Корбулону, под началом которого было большое войско на Востоке, и в Азии якобы назревает мятеж⁷², посланный императором центурион убил Плавта (Тас. *Ann.* XIV. 57–59). Это произошло в 62 г., а спустя несколько лет лишились жизни, покончив с собой, его вдова Поллита, тесть Л. Антистий Ветер и теща последнего Секстия (Тас. *Ann.* XVI. 10–11).

Династические коллизии и связанные с ними эксцессы продолжились, хотя, очевидно, и не в таких масштабах, при последующих династиях, в каждой из которых находился хотя бы один «дурной» император. Среди Флавиев такая репутация прочно закрепилась за Домицианом. В числе тех, кто подвергся репрессиям и казням в его правление, источники называют и кровных родственников. В год своего ординарного консульства (95 г., причем совместного с Домицианом), по обвинению в «безбожии» (ἀθεότης) и склонности «к иудейским обычаям»

⁶⁷ Hofmann 1951, 29.

⁶⁸ Bradley 1978, 214–215 (с указанием других версий).

⁶⁹ Rogers 1955, 199–205; Syme 1982, 193–195; Cogitore 2002, 233–234.

⁷⁰ per maternam originem pari ac Nero gradu a divo Augusto; cp. *Ann.* XIV. 22. 1: ... mater ex Iulia familia («мать которого принадлежала к роду Юлиев»).

⁷¹ Как пишет Тацит (*Ann.* XIV. 22. 1), «все в один голос Рубеллия Плавта» (omnium ore Rubellius Plautus celebratur) называли преемником Нерона.

⁷² Эти слухи распространялись префектом претория Тигеллином, который также указывал и на аналогичную опасность со стороны Фавста Суллы, сосланного в Нарбоннскую Галлию, откуда было недалеко до германского войска (Тас. *Ann.* XIV. 57. 1). Это значит, что, как и в других случаях, предполагалось, что потенциальный претендент на императорскую власть, пользуясь своим родством с императорским семейством, может обратиться за поддержкой армии.

был казнен его двоюродный брат Т. Флавий Клемент⁷³, а его супруга Флавия Домицилла, племянница (дочь сестры) императора, была отправлена в ссылку (Cass. Dio LXVII. 14. 1–2); были умерщвлены также двое их сыновей, которых сам Домициан усыновил и, по словам Светония, «открыто прочил в свои наследники, переименовав одного из них в Веспасиана, а другого в Домициана» (Suet. Dom. 15. 1). На основании позднейших сообщений христианских авторов (в частности, Euseb. Hist. Eccl. III. 18. 4) Клемент и Домицилла иногда считаются приверженцами христианства и жертвами гонений, но однозначных подтверждений этому нет и не менее вероятной остается версия о политических мотивах их преследования⁷⁴. Еще раньше был казнен Т. Флавий Сабин, консул 82 г., который был женат на Юлии, дочери императора Тита, и приходился Домициану двоюродным братом (Suet. Dom. 10. 4; Philostr. VA. VII. 7; Dio Chrys. Or. 13. 1 Arnim). О конкретных мотивах Домициана в этих эпизодах, за исключением Клемента и Домициллы, источники ничего не сообщают. Но его подозрительность дошла до того, что в числе прочих он казнил Луция Сальвия Отона Коккеяна, племянника Отона, консула 80 г., которого сначала даже хотел усыновить, за празднование дня рождения его дяди, ненадолго ставшего императором (Plut. Otho. 16. 2; Suet. Dom. 10. 3)⁷⁵.

Казнями близких родственников отличился и император Коммод. Так, после неудачного заговора 182 г. погибла Анния Аврелия Галерия Луцилла, сестра императора, вдова Луция Вера, супруга Тиберия Клавдия Помпейана, старого соратника Марка Аврелия. Исполнителем убийства Коммода должен был стать Клавдий Помпейан Квинтиан, племянник мужа Луциллы, помолвленный с ее дочерью и состоявший с ней в любовной связи (Cass. Dio LXXII [LXXIII]. 4. 4–6; Hdn. I. 8. 3–8; SHA. Comm. 4. 1–4)⁷⁶. Коммод отправил в ссылку и потом казнил и свою жену Бруттию Криспину, «разгневавшись на нее из-за какого-то прелюбодеяния» (Cass. Dio LXXII [LXXIII]. 4. 6). Казнен был также М. Петроний Сура Мамертин (консул 182 г.), муж Аврелии Корнифиции, дочери Марка Аврелия, вместе со своим сыном Антонином (SHA. Comm. 7. 5)⁷⁷.

Сама же Корнифиция, несмотря на преклонный возраст, была убита в ходе расправы, учиненной Каракаллой над родственниками Марка Аврелия и другими лицами, принадлежавшими к императорскому дому (SHA. Carac. 3. 6–8; Hdn. IV. 6. 3). По рассказу Диона, когда Каракалла приказал ей самой определить, какой смертью умереть, она «после долгих слез напомнила о том, что ее отец – Марк, дед – Антонин, брат – Коммод... Затем она сняла с себя все украшения, которые на ней были, и, подготовившись должным образом, вскрыла себе вены и умерла» (Cass. Dio LXXVIII [LXXVII]. 16. 6^a). В ходе этой расправы погибли и сын Клавдия Помпейана и Луциллы, т. е. внук Марка Аврелия, консул 209 г. (SHA. Carac. 3. 8), которого, как выяснилось из опубликованного в 1976 г. военного диплома, звали Луций (или Марк) Аврелий Коммод Помпейан⁷⁸; убиты были также двоюродный

⁷³ Он был внуком Тита Флавия Сабина, брата Веспасиана, и братом одноименного консула 82 г.

⁷⁴ См. Pergola 1978 и Парфёнов 2014, с обзором различных точек зрения.

⁷⁵ Gallivan 1981, 209.

⁷⁶ Об этом заговоре см. Aymard 1955; Hekster 2002, 50–55.

⁷⁷ PIR² P 229.

⁷⁸ Oates 1976.

брат Каракаллы Афр (или Апер?)⁷⁹ (SHA. *Carac.* 3. 6–7; Hdn. IV. 6. 3) и сын императора Гельвия Пертинакса (SHA. *Carac.* 4. 8). Очевидно, после убийства своего родного брата и соправителя Геты Каракалла стремился решительно избавиться от всех, кто в силу своих родственных связей с прежними императорами мог хотя бы теоретически представлять угрозу его единовластию или даже просто напоминать о них.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать определенные выводы. Если основатель принципата не умертвил никого из членов императорского семейства⁸⁰, то история его преемников, правителей первой и последующих императорских династий, отмечена множеством жестоких и циничных расправ как с самыми близкими родственниками (кровными или юридическими: братьями, сестрами, матерью, племянницами, внуками, женами), так и весьма отдаленными, но имевшими ту или иную степень родства с основателем принципата, а также свойственниками (зятьями, невестками, тестями и т.д.). Такая ситуация вряд ли может быть объяснена только паталогической кровожадностью отдельных императоров или так называемым «императорским безумием» (*Caesarewahnsinn*), под которым понимается комплекс черт, присущих авторитарному правителю и обусловленных в той или иной степени психическим расстройством: гордыня, ненависть, преследование знати, расточительная роскошь, садистская жестокость, сексуальные извращения, мания величия⁸¹. Представляется, что большинство этих убийств носило политический характер, диктовалось специфической рациональностью и в их широком применении нашло отражение коренное противоречие принципата, для которого, с одной стороны, изначально было характерно избегание открытой институционализации единоличной власти и правящей династии как таковой, а с другой – формирование императорского дома, приобретающего чем дальше, тем больше характеристики монархического по своей сути института, хотя и выраставшего из традиционных практик римского аристократического семейства⁸². В правление Августа укоренились представления о семействе принцепса как «резервуаре» тех, кто способен продолжить деятельность и *statio* («служение») основателя принципата. При этом их политический престиж, с точки зрения как аристократии, так и рядовых граждан, обуславливался в первую очередь (кровно)родственными связями с Августом и правящим принцепсом, причем и по женской линии тоже, что было, по всей видимости, следствием сложившейся в семействе первого принцепса ситуации (не имевшему сыновей Августу пришлось неявно повысить статус женских линий своего рода, тем самым продвигая когнатический прин-

⁷⁹ PIR² S 430, 483.

⁸⁰ Впрочем, Август создал прецедент ещё в 29 г. до н. э., когда после поражения Антония и Клеопатры казнил Цезариона, предполагаемого сына Клеопатры от Юлия Цезаря, и Антиллу, старшего сына Марка Антония от его жены Фульвии (Plut. *Ant.* 81. 1; Suet. *Aug.* 17. 4; Cass. Dio LI. 15. 5). И его пример не был забыт. См. Corbier 1995, 186–187.

⁸¹ Winterling 2018, 62. Сам А. Винтерлинг, впрочем, приходит к парадоксальному выводу, что «императорское безумие» не являлось собственно психопатологическим феноменом, но было, скорее, результатом совпадения старых идеалов римской знати, стремившейся первенствовать, с неограниченной и нестабильной монархией. О феномене *Caesarewahnsinn* см. подробное исследование: Sittig 2018.

⁸² Neel 2022.

цип родства). Это способствовало существенному возрастанию политической роли матерей, жен и сестер императора, которые становились фигурами, обеспечивавшими в известной степени легитимность обладателя верховной власти⁸³ так же, как и императорские дочери, чьи дети могли продолжить династию⁸⁴. Такое обеспечение преемственности власти, когда она фактически передавалась кровному либо усыновленному родственнику (свойственнику), после тяжелого опыта гражданских войн в глазах римлян могло выглядеть как некая антитеза насильственному захвату власти по праву сильного, т.е. как один из способов избежать гражданской войны. Как подчеркивает в этой связи Ф. Зиттиг, «когнатические кровные связи лучше подходили для сокращения круга претендентов на престол, а следовательно, и их конфликтного потенциала, до числа, которое не могло быть произвольно расширено, тем самым гарантируя функцию монархии по поддержанию мира»⁸⁵. Это могло обеспечить более четкий порядок наследования престола, создавая некие иерархии, основанные на степени кровного родства, и предотвращая опасное вовлечение более дальних родственников в династические споры. В то же время агнатические принципы позволяли правителю окружать себя многочисленными опорами власти, что, однако, теоретически открывая доступ к наследованию для любого видного аристократа, делало положение потенциальных наследников шатким и усложняло четкую преемственность. В итоге передача власти превращалась, по выражению Зиттига, в «домашнюю гражданскую войну»⁸⁶.

Такая система, как и всё здание принципата в целом, была в своих основах созданием Августа, который, по словам Р. Сайма, «не пренебрегал ни одним родственником, каким бы малоизвестным, каким бы дальним он ни был, ни брачными, ни дружескими узами, сохранявшимися после развода. Со временем всё больше аристократических семей через брак вовлекались в семью и свиту

⁸³ Rouche 2006; Cenerini F. 2016. С этой тенденцией, вероятно, связана практика эндогамных браков в династии Юлиев-Клавдиев. Характерную мотивацию выбора Агриппины Младшей в качестве супруги Клавдия Тацит вкладывает в уста Палланта: «...превозносил более всего то, что она приведет с собою внука Германика; вполне достойно императорского семейства присоединить этого отпрыска знатного рода к потомкам Юлиев и Клавдиев и тем самым не допустить, чтобы женщина испытанной плодовитости и еще молодая унесла в другой дом славу и величие Цезарей» (Тас. *Ann.* XII. 2. 3). Ср. мотивы Тиберия при выборе Домиция Агенобарба в качестве мужа той же Агриппине: «Он избрал Домиция, помимо древности его рода, также и потому, что тот состоял с Цезарями в кровном родстве (*propinquum Caesaris sanguinem*), ибо мог похвалиться, что Октавия – его бабка, а через нее и Август – двоюродный дед» (Тас. *Ann.* IV. 75. 1).

⁸⁴ Joska 2019, 125; Meyers 2016.

⁸⁵ Sittig 2018, 227–228.

⁸⁶ Sittig 2018, 225–235. Сложность ситуации в первой императорской династии заключалось еще и в том, что в ней объединились в один род представители Юлиев и Клавдиев, что временами создавало дополнительное напряжение внутри императорского семейства. Более того, через сестру Августа Октавию целый ряд членов этого семейства вел свое происхождение от триумвира Марка Антония, ставшего на заключительном этапе гражданских войн главным врагом наследника Цезаря и подвергнутого после поражения «проклятию памяти» (Cass. Dio LI. 19. 3; Plut. *Ant.* 86. 5). И это обстоятельство тоже добавляло двусмысленности в сложную сеть семейно-родственных связей первой императорской династии. Любопытно, что Калигула, по утверждению Диона, даже «пожелал считаться скорее потомком Антония, нежели Августа», и предупредил, что, если консулы будут приносить жертвы по поводу несчастья Антония или же не совершат жертвоприношения в честь победы Августа, они в любом случае поступят не верно (Cass. Dio LI. 20. 2).

принцепса»⁸⁷. Вместе с тем семейно-династическое наследование принципата было тем, что соответствовало ожиданием подвластных, во всяком случае, столичного плебса и армии, что вынуждало императоров вслед за Августом, с одной стороны, искать помощников и преемников из числа родственников по крови или свойству, а с другой – видеть в них опасных конкурентов своей единоличной власти. При таком порядке вещей неизбежно возникало противоречие между династическим монархизмом, построенном на узах кровного родства, и, условно говоря, «меритократией», которая могла быть обеспечена выбором и усыновлением лучшего, т. е. опять-таки с использованием принципа семейственности в его юридической форме. Иными словами, принципат в том виде, в каком он был создан Августом, подразумевал неразрывную и противоречивую взаимосвязь того, что по-английски называется kingship (или, точнее, emperorship, т. е. «царская / императорская власть») и kinship («родство»). Идеальный вариант этой стороны монархической власти представлен Дионом Хрисостомом в 3-й «Речи о царской власти», обращенной к императору Траяну: «Разве может человек, считающий свою семью и кровных родственников частью своей души, не любить их больше, чем кого-либо другого? И он заботится не только о том, чтобы они разделяли так называемое счастье, но еще больше о том, чтобы они казались достойными соучастия в правлении, и проявляет величайшую заботу о том, чтобы они казались предпочтительными не из-за их родства, но благодаря их заслугам. Но больше всего он любит своих близких и считает их незаменимыми друзьями. Ибо он может освободиться от друзей, если усмотрит в них какую-либо неприятную черту, но он не может устранить кровной связи с родственниками, и он вынужден – каков бы ни был их характер – прислушиваться к этому имени» (Dio Chrys. *Peri Basileias*. III. 119–121). Однако, как и всякий идеал, он, разумеется, часто опровергался и извращался в реальной политической жизни, в чем убеждают обрисованные выше судьбы императорских родственников и свойственников во времена Юлиев-Клавдиев, Флавиев (в лице Домициана), Антонинов (в лице Коммоды) и Северов (в лице Каракаллы).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Allen, W.Jr. 1947: The Death of Agrippa Postumus. *TAPA* 78, 131–139.
Aymard, J. 1955: La conspiration de Lucilla. *Revue des Études Anciennes* 57, 85–91.
Baldwin, B. 1964: Executions under Claudius: Seneca's 'Ludus de morte Claudii'. *Phoenix* 18, 39–48.
Baldwin, B. 1985: Executions, Trials and Punishment in Nero. In: Idem. *Studies on Greek and Roman History and Literature*. Amsterdam, 205–219 (= *Parola del passato* 22 (1967), 425–439).
Beard, M. 2023: *Emperor of Rome: Ruling the Ancient Roman World*. New York.
Béranger, J. 1973: *Principatus. Études de notion et d'histoire politique dans l'Antiquité Greco-romaine*. Genève.
Bradley, K.R. 1978: *Suetonius' Life of Nero: An Historical Commentary*. Bruxelles.
Burgeon, C. 2017: La vie de Lollia Paulina à travers celles des empereurs Caligula et Claude. *Eruditio Antiqua* 9, 87–108.

⁸⁷ Syme 1939, 378.

- Cenerini, F. 2010: Messalina e il suo matrimonio con C. Silio. In: A. Kolb (Hrsg.), *Augustae: Machtbewusste Frauen am römischen Kaiserhof? Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis II: Akten der Tagung in Zürich 18–20.9.2008*. Berlin, 179–192.
- Cenerini, F. 2014 (Claudia) Livia Giulia. *Archimède. Archéologie et histoire ancienne* 1, 124–132.
- Cenerini, F. 2016: Il matrimonio con un'Augusta: forma di legittimazione? In: A. Bielman Sánchez et al. (éd.), *Femmes influentes dans le monde hellénistique et à Rome IIIe siècle av. J.-C. – Ier siècle apr. J.-C.* Grenoble, 119–142.
- Cogitore, I. 1990: Mancipii unius audacia: le faux Agrippa Postumus face au pouvoir de Tibère. *Revue des Études Latines* 68, 123–135.
- Cogitore, I. 2002: *La légitimité dynastique d'Auguste à Néron à l'épreuve des conspirations*. Athènes.
- Corbier, M. 1995: Male Power and Legitimacy through Women: The Domus Augusta under the Julio-Claudians. In: R. Hawley, B. Levick (eds), *Women in Antiquity: New Assessments*. London–New York, 178–193.
- Corbier, M. 2007: Parenté et pouvoir à Rome. In: J.-Ph. Genet (éd.), *Rome et l'État moderne européen*. Rome, 173–196.
- Craven, M. 2019: *The Imperial Families of Ancient Rome*. Stroud.
- Detweiler, R. 1970: Historical Perspectives on the Death of Agrippa Postumus. *Classical Journal* 65.7, 289–295.
- Doronenko, I.A. 2021: Nimfidiy Sabin v 68 g.: istoriya dvukh zagovorov [Nymphidius Sabinus in AD 68: A Story of Two Conspiracies]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political Science] 48.4, 741–748.
- Дороненко, И.А. 2021: Нимфидий Сабин в 68 г.: история двух заговоров. *Via in tempore. История. Политология* 48/4, 741–748.
- Duchêne, P. 2013: La construction des discours autour de la famille impériale. *Lalies (Langues et littérature: Actes des sessions de linguistique et de littérature)* 33, 257–270.
- Eisner, M. 2011: Killing Kings: Patterns of Regicide in Europe, AD 600–1800. *British Journal of Criminology* 51, 556–77.
- Fagan, G.G. 2002: Messalina's Folly. *Class. Q.* 52/2, 566–579.
- Fertik, H. 2019: *The Ruler's House: Contesting Power and Privacy in Julio-Claudian Rome*. Baltimore.
- Flory, M.B. 1996: Dynastic Ideology, the Domus Augusta, and Imperial Women: A Lost Statuary Group in the Circus Flaminius. *TAPA* 126, 287–306.
- France, J., Hurlet, F. 2019: *Institutions romaines: Des origines aux Sévères*. Paris, 181–202.
- Gallivan, P. 1981: The Fasti for A.D. 70–96. *Class. Q.* 31, 186–220.
- Grainger, J.D. 2020: *The Roman Imperial Succession*. South Yorkshire.
- Gibson, A.G.G. (ed.) 2013: *The Julio-Claudian Succession: Reality and Perception of the "Augustan Model"*. Leiden–Boston.
- Hekster, O. 2002: *Commodus: An Emperor at the Crossroads*. Amsterdam.
- Hekster, O. 2015: *Emperors and Ancestors: Roman Rulers and the Constraints of Tradition*. Oxford.
- Herbert-Brown, G. 2004: C. Asinius Gallus, Ti. Claudius Nero, and a Posthumous Agrippa in Ephesus (ILS 8897). *Syllecta Classica* 15, 131–151.
- Hofmann, M. 1951: Plautius (40). *RE*. Halbd. 51, 29.
- Höhl, E. 1935: Primum facinus novi principatus. *Hermes* 70, 350–355.
- Horstkotte, H. 1989: Die 'Mordopfer' in Senecas Apocolocytosis. *Zeitschrift Für Papyrologie und Epigraphik* 77, 113–143.
- Humphrey J. 1979: The Three Daughters of Agrippina Maior. *American Journal of Ancient History* 4, 125–143.
- Hurlet, F. 1997: *Les collègues du prince sous Auguste et Tibère. De la légalité républicaine à la légitimité dynastique*. Rome.

- Hurlet, F. 2009: Comment devenait-on empereur à Rome? La succession dynastique sous les Julio-Claudiens. In: T. Piel (éd.), *Figures et expressions du pouvoir dans l'Antiquité. Hommage à Jean-René Jannot*. Rennes, 93–108.
- Hurlet, F. 2013: L'idéologie dynastique sous les Julio-Claudiens: origines, évolutions, modes d'expression et modalités de sa diffusion. In: G. Zecchini (éd.), *L'Augusteum di Narona*. Rome, 117–143.
- Icks, M. 2011: *The Crimes of Elagabalus: The Life and Legacy of Rome's Decadent Boy Emperor*. London.
- Jones, T. 2016: A Deafening Silence: Agrippa Postumus and the Will of Augustus. *Iris. Journal of the Classical Association of Victoria*. New Series 29, 77–85.
- Joska, S. 2019: 'Show them that You are Marcus's Daughter'. The Public Role of Imperial Daughters in Second- and Third-Century CE Rome. In: J. Rantala (ed.), *Gender, Memory, and Identity in the Roman World*. Amsterdam, 105–130.
- Karavaev, A.G. 2014: Genealogiya i prosopografiya starshey linii familii Klavdiev-Neronov [Genealogy and Prosopography of the Senior Line of the Claudii-Nerones Family]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4 (46), 19–26.
- Караваев, А.Г. 2014: Генеалогия и просопография старшей линии фамилии Клавдиев Неронов. *ПИФК* 4 (46), 19–26.
- Kelly, B. 2022: Violence and Security at Court. In: B. Kelly, A. Hug (eds.), *The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC – c. AD 300*. Vol. 1: *Historical Essays*. Cambridge, 371–394.
- Kornemann, E. 1930: *Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum*. Leipzig–Berlin.
- Köstermann, E. 1932: Statio Principis. *Philologus* 87, 358–368, 430–444.
- Le Doze, Ph. 2017: D'Auguste à Tibère: aux sources d'une hérédité assumée. *Politica Antica. Rivista di prassi e cultura politica nel mondo Greco e romano* 7, 61–97.
- Levick, B. 1999: *Tiberius the Politician*. London–New York.
- Martina, G. 2016: L'interventismo familiare di Antonia Minore: il caso della morte di Germanico e Livilla. In: F. Cenerini, F. Rohr Vio (eds.), *Matronae in domo et in re publica agentes: spazi e occasioni dell'azione femminile nel mondo romano tra tarda repubblica e primo impero: atti del convegno di Venezia, 16–17 ottobre 2014*. Trieste, 287–304.
- Meyers, R. 2016: Filiae Augustorum: The Ties That Bind in the Antonine Age. *The Classical World* 109 (4), 487–505.
- Mommsen, Th. 1877: *Römischen Staatsrecht*. Bd. II.2. Leipzig.
- Moreau, Ph. 2005: La *domus Augusta* et les formations de parenté à Rome. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 16, 7–23.
- Neel, J. 2022: Republican Precursors. In: B. Kelly, A. Hug (eds.), *The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC – c. AD 300*. Vol. 1: *Historical Essays*. Cambridge, 35–59.
- Oates, J.F. 1976: A Sailor's Discharge and the Consuls of A. D. 209. *Phoenix* 30/3, 282–287.
- Oliver, J.H. 1947: The Descendants of Asinius Pollio. *Am. J. Philol* 68/2, 147–160.
- Ottley, S. 2010: The Coup of Nymphidius Sabinus. *Ancient History Bulletin* 24, 95–113.
- Parfenov, V.N. 2014: Khristiane ryadom s imperatorskim tronom? K voprosu o veroispovedanii Flaviya Klementa i Domitsilly [Christians Next to the Imperial Throne? On the Question of the Religious Confessions of Flavius Clement and Domitilla]. *Trudy Saratovskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii* [Transactions of the Saratov Orthodox Theological Seminary] 8, 144–156.
- Парфёнов, В.Н. 2014: Христиане рядом с императорским тронном? К вопросу о вероисповедании Флавия Клемента и Домициллы. *Труды Саратовской православной духовной семинарии*. 8, 144–156.
- Pergola, Ph. 1978: La condamnation des Flaviens chrétiens sous Domitien: persécution religieuse ou répression à caractère politique? *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*, Année 90.1, 407–423.

- Pettinger, A. 2012: *The Republic in Danger: Drusus Libo and the Succession of Tiberius*. Oxford.
- Retief, F., Cilliers, L. 2010: Causes of Death among the Caesars (27 BC – AD 476). *Acta Theologica* 26, 89–106.
- Rodeghiero, M.M. 2018: Imitatio C. Caesaris, divi fili, nella congiura di Clemente. *Historika* 8, 175–197.
- Rogers, R.S. 1955: Heirs and Rivals to Nero. *TAPA* 86, 190–212.
- Rouche, M. 2006: La matrilinéarité des Julio-Claudiens: empirisme ou archaïsme? *Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France. Année 2001*, 276–286.
- Saller, R.P. 1984: Familia, Domus, and the Roman Conception of the Family. *Phoenix* 38, 336–355.
- Satterfield, S. 2023: The Envy of Asinius Gallus. *Antichthon* 57, 117–136.
- Sawinski, P. 2018: *The Succession of Imperial Power under the Julio-Claudian Dynasty (30 BC – AD 68)*. Berlin.
- Scharf, R. 2001: *Agrippa Postumus. Splitter einer historischen Figur*. Landau.
- Segenni, S. 1995: Antonia Minore e la “domus Augusta”. *Studi Classici e Orientali* 44, 297–331.
- Severy, B. 2003: *Augustus and the Family at the Birth of the Roman Empire*. New York–London.
- Sheldon, R.M. 2023: *Kill Caesar!: Assassination in the Early Roman Empire*. London–New York.
- Shotter, D.C.A. 1971: Tiberius and Asinius Gallus. *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte* 20.4, 443–457.
- Sittig, F. 2018: *Psychopathen in Purpur: Julisch-claudischer Caesarenwahnsinn und die Konstruktion historischer Realität*. Stuttgart.
- Syme, R. 1939: *The Roman Revolution*. Oxford.
- Syme, R. 1982: The Marriage of Rubellius Blandus. *Am. J. Philol* 103, 62–85.
- Syme, R. 1989: *The Augustan Aristocracy*. Oxford.
- Tariverdieva, S. E. 2017: Avgust i Agrippa: razvitie sistemy sopravleniya s 29 po 18 g. do n. e. [Augustus and Agrippa: The Development of the Co-Regent System from 29 to 18 BC] *Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin]* 19, 126–169.
- Таривердиева, С.Э. 2017: Август и Агриппа: развитие системы соправления с 29 по 18 г. до н.э. *Исторический вестник* 19, 126–169.
- Torbin, A.A. 2024: Traditsiya o nachale principata Tiberiya: Sallyustiy Krisp i myatezh Klementa [The Tradition of the Beginning of Tiberius' Principate: Sallustius Crispus and the Revolt of Clement]. *Aristey [Aristaeus]* XXIX, 79–105.
- Торбин А. А. 2024: Традиция о начале принципата Тиберия: Саллюстий Крисп и мятеж Клемента. *Аристей*. XXIX, 79–105.
- Wardle, D. 1998: Caligula and His Wives. *Latomus* 57 (1), 109–126.
- Weinrib, E.J. 1968: The Family Connections of M. Livius Drusus Libo. *HSCPh* 72, 247–278.
- Winterling, A. 2018: Imperial Madness in Ancient Rome. In: N. Panou, H. Schadee (eds), *Evil Lords. Theories and Representations of Tyranny from Antiquity to the Renaissance*. Oxford, 61–80.
- Wolf, S. 1986: *Die Augustusrede in Senecas Apocolocyntosis: Ein Beitrag zum Augustusbild der frühen Kaiserzeit*. Königstein.

THE IMPERIAL FAMILY AND THE PRINCIPATE: FATAL TIES

Aleksandr V. Makhlayuk

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia**E-mail: makh1@imomi.unn.ru*

The article examines the role and significance of family and kinship ties within the system of the Principate, a peculiar form of monarchical rule. It deals with the relationships of emperors, primarily from the Julio-Claudian dynasty, with their distant, blood or legal, relatives and in-laws who were part of the imperial household. These individuals often fell victim to political purges and persecutions by ruling princes, facing mortal danger due to their very status, which made them potential contenders for the throne. This situation cannot be explained solely by the pathological bloodlust of individual emperors or the so-called “imperial madness” (*Caesarewahn Sinn*). The majority of killings within the *domus Augusta* were dictated by a specific rationality and had a political character. They reflected the fundamental contradiction of the Principate, which, on the one hand, was initially characterized by an avoidance of overt institutionalization of sole power and the ruling dynasty as such, and on the other hand, by the formation of the imperial household, which acquired the characteristics of an inherently monarchical institution. The family-dynastic succession of imperial power corresponded to the expectations of the subjects, primarily the urban plebs and the army. This compelled emperors, on the one hand, to seek assistants and successors from among blood relatives or in-laws, and on the other hand, to view them as dangerous competitors to their sole authority.

Keywords: Roman Empire, Principate, imperial family, *domus Augusta*, kinship ties, succession of imperial power, dynastic policy

